

«ТРЕТИЙ ПУТЬ» К ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЕ

А.Ю. АЛЕКСЕЕВ

Аннотация

В статье отмечается роль электронной культуры как предмета философских исследований. Интерес представляет максимальное противоречие между собственно человеческой реальностью, смыслами и значениями культуры и физической субатомной реальностью электронных технологий. Феномен электронной культуры раскрывается в ряде устойчивых контекстов употребления этого словосочетания. Для каждого направления рисуются перспективы ее развития в России. Несмотря на значимость нового явления в мировой культуре, констатируются факты научно-организационных и образовательных проблем в развитии отечественной электронной культуры. Возможны несколько путей их решения. Первый путь – путь инновационного развития посредством культивирования передовых зарубежных технологий, вряд ли возможен. Здесь мы апеллируем к чаадаевской концепции «русской невосприимчивости». Второй – путь сохранения традиционных ценностей, невозможен из-за архаичности «традиций». Возникает предположение о том, что, возможно, для России предпочтителен некий «третий» путь. Однако и третий путь, о котором говорят многие СМИ, непонятен и непредставим.

Ключевые слова: электронная культура, провиденциализм, комплексный тест Тьюринга, НСМИИ РАН, научно-организационные проблемы, информатизация культуры.

Алексеев Андрей Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

aa65@list.ru

<http://istina.msu.ru/profile/AlekseevAY/>

Цитирование: АЛЕКСЕЕВ А.Ю. «Третий путь» к электронной культуре // Философские науки. 2017. № 2. С. 65–71.

В последнее десятилетие в научном и общественном дискурсах часто употребляется термин «электронная культура» (э-культура, eCulture). Он отражает технологическую специфику социокультурной жизни. Это словосочетание стало применяться в официальных документах департаментов культуры развитых стран и поэтому предпочтительнее синонимов, таких как «киберкультура», «цифровая культура», «информационная культура», «семиотическая культура», «медиакультура» и пр. Это понятие не отождествляет культуру с технологиями и не редуцируется к ним. Так, в программном документе Нидерландского совета по культуре «От информационно-коммуникационных технологий к э-культуре» (2003) прописано следующее: «Э-культура – это новая цифровая сфера социокультурной деятельности человека, новые формы выражения человека посредством электронных технологий и Интернета, новые роли и статусы институтов культуры и искусств под влиянием технологий» [E-culture 2003].

Термин «электронная культура» проник в отечественную философскую литературу. В журнале «Вопросы философии» (2013. № 8) опубликована

статья Л.В. Бaeвой «Электронная культура: опыт философского анализа». В начале работы автор справедливо полагает, что детерминантой э-культуры являются высокие информационные технологии. Однако далее приводятся общие и пространные рассуждения о понятии информации, затрудняющие понимание того, что такое «высокая информационная технология». Отталкиваясь от частной дефиниции э-культуры, предложенной А. Рончи в 2009 г., автор статьи формулирует собственное определение, согласно которому электронная культура представляет собой совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения информационно-технологических инноваций, характеризуется созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией, либеральностью контента и пр. Собственно философское осмысление феномена э-культуры, по мнению Л.В. Бaeвой, заключается в подведении «школьных» философских дисциплин под данную дефиницию. В связи с этим выделяются онтологический, социально-философский, антропологическо-аксиологический, этический и эстетический «ракурсы» этого определения. На наш взгляд, трактовка анализируемого понятия чрезвычайно обширна, полисемична, многомерна и поэтому неправомерно тормозит философскую работу из-за узости исходного определения. Это послужило поводом для написания ряда работ, в которых применялся метод феноменологического конституирования тематических рубрик э-культуры [Алексеев, Янковская 2014]. Философские исследования феномена электронной культуры намного интереснее, чем исследования ее концептуальных аналогов, поскольку предмет изучения чрезвычайно противоречив. С одной стороны, в предмет включена субатомная физическая реальность, с другой стороны, — специфически человеческая и социальная реальность, сфера смыслов, значений и значимостей культуры. В условиях такой фундаментальной контраридиции правомочно прямое метафизическое и методологическое изучение идеалистических, дуалистических, физикалистских, бихевиористских, функционалистских, эпифеномениалистских, феноменологических и других парадигм.

Философское осмысление э-культуры требует специальных исследований. Поводом же для данной работы явился фильм Г. Царевой «Технологии расчеловечивания». Не интересны ни замысел, ни сюжет, ни содержание фильма — они не достойны внимания. Это очевидно после трех-пяти минут просмотра. Привлекла мысль об актуализации провиденциалистской (чаадаевской) социально-философской проблематики в новом, технологическом, контексте. В фильме, на наш взгляд, отражено следующее: у России — особый путь в мировом цивилизационном процессе. Россияне в своей массе не способны к восприятию технологических новаций. Но это и хорошо. Надо вообще прекратить и даже запретить попытки культивировать новые формы технологической жизни. Только это позволит сохранить самобытность культуры России и реализовать ее уникальную вселенскую миссию, обрести «истинный третий путь» между западными и восточными трендами.

Фильм можно было бы оставить без внимания, однако его появление по времени совпало с появлением фактов научно-организационного и образовательного содержания, которые явно констатируют возникновение проблем с развитием отечественной э-культуры.

Сигналом, который обозначил научно-организационные проблемы, явилось прекращение работы ежегодной международной междисциплинарной конференции по электронной культуре — «EVA-Moscow». На протяжении 15 лет конференция была главной в нашей стране по этой проблематике. В Москве конференции «EVA» (www.evarussia.ru) проводились с 1998 до 2013 г. по согласованию с Комиссией Европейского Сообщества и при поддержке Министерства культуры РФ. Инициатором и основным организатором ежегодных московских конференций «EVA» до 2010 г. выступал Центр по проблемам информатизации сферы культуры (Центр ПИК). «EVA-Москва» собирала специалистов различных направлений деятельности в сфере культуры и технологий. С каждым годом интерес к конференции увеличивал число участников: представителей федеральных и региональных органов государственного управления, правительственных учреждений, музеев, библиотек, архивов, научно-исследовательских организаций, университетов, вузов культуры, научных учреждений: с 1998 по 2009 г. общее число очных участников «EVA-Москва» составило около семи тысяч человек. В работе конференций и сопровождавших их выставок принимали участие представители почти всех регионов России, официальные представители Комиссии Европейского Сообщества, зарубежные делегаты из стран западной Европы и СНГ.

19–21 ноября 2013 г. состоялась 15-я ежегодная международная конференция «EVA 2013 Москва: Информационное общество, культура, образование». Тема конференции — «Библиотеки и музеи в цифровой среде: диалог и сотрудничество». Однако в 2014 г. конференция «EVA» не проводилась, а с 2015 г. конференция стала проводиться в г. Санкт-Петербурге, причем на базе технического вуза, а не на базе крупных культурных центров, которыми ранее являлись Государственная Третьяковская галерея, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино и Российская государственная библиотека. Таким образом, статус основной конференции по проблемам э-культуры значительно упал, теперь она организуется на периферии научной, политической и экономической жизни страны. А другой такой широкомасштабной конференции нет.

Другим примером, на этот раз из области проблем образования, стало прекращение обучения специалистов в сфере информатизации культуры: в 2015 г. состоялся последний выпуск бакалавров по специальности «прикладная информатика» в главном вузе культуры нашей страны — Московском государственном институте культуры (до 2014 г. вуз имел статус университета). Пять лет назад в этом вузе внедрялась важная для развития э-культуры специальность «Интеллектуальные системы в сфере культуры». Предприятие оказалось безуспешным: в первые два года на новую специ-

альность Министерство культуры выделило по два бюджетных места при требованиях к минимальному набору 20 человек. «Это – хулиганство», – расценил такое решение В.К. Финн, один из авторов программы «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере», известный специалист в области искусственного интеллекта.

Инициаторам проекта факультета электронной культуры эта специальность представлялась главной. Но и с традиционными специальностями не повезло. Прямо на глазах, на протяжении нескольких лет произошло изгнание информационно-технологического направления из этого вуза: вначале был ликвидирован факультет менеджмента и социально-информационных технологий, затем – кафедра информатизации культуры, и наконец, прекращен выпуск информатиков-менеджеров. Кто же будет отвечать за внедрение ИКТ в сферу культуры? Не выпускник ли «бауманки»? Для этой специфической деятельности нужен профессионал, который освоил бы в полной мере требуемый корпус социальных и гуманитарных дисциплин.

Настоящая катастрофа произошла с Московским университетом экономики, статистики и информатики. В советское время вуз высоко котиrowался, в постсоветское время занял лидирующее положение в сфере электронного образования. В последние годы в вузе отработывались теоретические и образовательные вопросы, связанные с одним из перспективных направлений развития э-культуры, которое обозначается термином «SMART»: смартфон, смартдом, смартообразование, смартгосударство и т.д. Неожиданно в 2015 г. вуз как образовательная единица ликвидируется и по так называемому «решению трудового коллектива вуза» присоединяется к Российскому экономическому университету им. Г.В. Плеханова. Несколько лет назад подобное «вливание» было проведено с Московским государственным институтом электроники и математики (МИЭМ). Он попал «под крышу» другого экономического вуза – Высшей школы экономики. Приведенные и многие подобные им факты тревожат. С развитием электронной культуры в нашей стране явно что-то не так. Каковы же перспективы ее развития?

Ранее предлагалось выделить несколько направлений развития э-культуры [Алексеев 2014]: репрезентативный (предметы культуры представлены средствами информационно-коммуникационных технологий); институциональный (формирование новых социальных институтов); политико-экономический (изучение проблемы цифрового неравенства); виртуалистский (появление искусственно-естественных форм восприятия реальности); аксиологический (трансформация универсалий, ценностей и смыслов культуры); антропологический (становление e-Номо); ноологический (культура форматируется технологией искусственного интеллекта); эпистемологический (рациональное познание феноменов э-культуры, осуществляемое специфическим инструментарием – комплексным тестом Тьюринга); онтологический (рассмотрение проблемы существования Я в компьютеризованном мире электронной культуры). Эти направления

достаточно подробно раскрыты. Поэтому отметим лишь перспективы э-культуры в свете «э-провиденциализма».

В нашей стране, исходя из наметившегося тренда, просматриваются следующие перспективы. У репрезентативного, институционального, виртуалистского и онтологического направлений фактически нет перспектив. Это обусловлено государственной стратегией так называемого «инновационного» развития ИКТ в сфере культуры, согласно которой проекты должны самофинансироваться. Однако отмеченные направления требуют мощных фундаментальных исследований и, соответственно, основательных государственных вложений, и не только на уровне гиперсложной конвергенции НБИКС, но и при создании новой э-институции, например, библиотеки РИНЦ — главной научной э-библиотеки страны, государственная поддержка которой несколько лет назад по неизвестным причинам была приостановлена.

В рамках политико-экономического направления вряд ли возможны успехи: частная собственность на ресурсы и средства ИКТ, поддерживаемая государственной мощью, с неизбежностью ведет к увеличению и закреплению цифрового неравенства.

В некотором смысле «перспективны» аксиологическое и антропологическое направления. Здесь решаются «философские» проблемы новых форм «духовного бытия человека и общества», осуществляется экспликация «нравственных универсалий» в контексте «ноосферы» с учетом «стратегий устойчивого развития цивилизации». Философов в нашей стране много: у нас самая мощная в мире философская организация — Российское философское общество. Поэтому имеется обширное поле спекулятивных дискуссий на тему некоторого перспективного е-Ното в контексте e-Culture, который в 2045 г. превратится в трансгуманоида постчеловеческой расы.

Перспективно эпистемологическое направление. В рамках его создаются и применяются мысленные компьютерно-ориентированные тьюринговые тесты. Комплексный тест Тьюринга применим для изучения очень широкого спектра феноменов э-культуры. Он экономичен, не требует никаких особых финансовых затрат на проведение технологических, социологических, политологических, экономических, идеологических и других работ. Предлагается посредством отлаженных тьюринговых тестов поразмышлять о категориальной проблематике э-культуры и нарисовать критически выверенную ясную концептуальную картину путей развития э-культуры. К сожалению, поверхностный эскиз этого развития, встречающийся в ряде работ по поводу перспектив отечественной э-культуры, эксплицирует негативные сценарии. Эти сценарии уже сегодня реализованы и набрали обороты в институтах э-политики, э-медицины, э-образования, э-науки. России может ожидать без-э-культурное будущее.

Однако имеются «оптимистичные» взгляды на путь развития отечественной э-культуры. Так, высказывается явно чаадаевская идея: постсоветская Россия стала постоянно отставать от уровня технологий развитых

стран [Савельев 2015]. Но если принять формационный подход к истории как циклическому развитию, то, когда в этих странах наступит этап технологической деградации, мы будем отставать от темпов деградации, т.е. станем относительно развитыми [Савельев 2015]. Если же принять во внимание цивилизационный подход к пониманию истории, то, по всей видимости, россиянину не угрожают онтологические проблемы «борьбы» с квазиалгоритмическими формами э-культурного бытия по причине слабого присутствия такового. Можно легко переключаться на иные формы культурной жизни, к примеру, петь и танцевать. Или, например, играть на компьютере в имитацию победоносных военных сражений.

Такое несерьезное заключение обусловлено сюжетом анализируемого фильма, а так же очевидными явлениями, которые нормально воспринимаются лишь в комическом ракурсе. Эти явления начинаются с загрузки компьютера. Несмотря на постоянное увеличение технических мощностей, каждая новая версия операционной системы инициализируется дольше и дольше предыдущей версии. Хотя имеется возможность фактического осуществления одной из главных идей информатики — идеи безбумажного документооборота, сегодня на каждый электронный документ требуется печатная копия, изощренно заверяемая сложно организованными бюрократическими инстанциями. Бесчисленные компьютерные отчеты отнимают больше времени, чем то, по поводу чего они составляются. Компьютерная оптимизация медицинского обслуживания продуцирует невероятный всплеск болезней из-за территориального разброса специализированных кабинетов, интегрированных (но всего лишь виртуально) в единой медицинской информационной системе. «Молодой ученый», протолкнувший слабую идею в коммерческую зарубежную электронную библиотеку, получает право руководить авторитетным профессором. Неподготовленный абитуриент, набравший баллы ЕГЭ «методом тыка», проникает в вуз. Безграничные ресурсы электронных библиотек отбивают вкус к вдумчивому чтению. Компьютерная коммуникация с географическим антиподом становится интереснее общения с соседом. Этот список можно долго продолжать. Почему это происходит? Для ответа требуются систематические исследования в рамках специальной научной организации. Такая организация функционирует, по сути, с 2007 г. на правах секции Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований. Совместно с редакцией журнала «Философские науки» секция обеспечила проведение круглого стола [НСММИ 2016], на котором ставился вопрос: «Почему, зачем, кем и для кого создаются фильмы по проблемам электронной культуры, подобные фильму “Технологии расчеловечивания”?»

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

E-culture 2003 – From ICT to E-culture. Advisory report on the digitalisation of culture and the implications for cultural policy. Netherlands Council for Culture, 2003. – URL: http://www.cultuur.nl/files/pdf/advies/E-cultuur_engels.pdf

Алексеев, Янковская 2014 – Алексеев А.Ю., Янковская Е.А. Направления исследований электронной культуры // Полигнозис. 2014. 3–4 (47). С. 93–106.

Алексеев 2014 – Алексеев А.Ю. Электронная культура в контексте постнеклассической методологии // Электронный научный журнал «Культура: теория и практика». 2014. № 2. – URL: <http://theoryofculture.ru/issues/29/623>

Савельев 2015 – Савельев А.В. Прошедшее будущее отечественного технического творчества // Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г. Институт философии РАН, Москва / под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. – М.: ИИнтелл, 2015. С. 373–375.

НСМИИ 2016 – Сайт круглого стола «Проблемы развития электронной культуры», 1 марта 2016 г., Институт философии РАН, Москва. – URL: <http://www.electronicCulture.ru/2016/03/01>

“THIRD WAY” TO ELECTRONIC CULTURE

A.Yu. ALEKSEEV

Summary

The article notes the role of electronic culture as the subject of philosophical research. The fundamental contradiction between the actual human reality, meanings and values of the culture, and physical subatomic reality of electronic technology is of interest. The phenomenon of electronic culture is revealed in a number of contexts, sustainable use of the phrase. The prospects of its development in Russia are drawn for each direction, despite the importance of a new phenomenon in the world culture, stating the facts of scientific, organizational and educational problems in the development of domestic e-culture. There are several ways to solve these problems. The first is the path of innovative development through the cultivation of advanced foreign technology, it is hardly possible. Here we appeal to Chaadaev concept of “Russian immunity”. The second way is the preservation of traditional values, it is impossible because the “tradition” is archaic. There is a suggestion that, perhaps, a certain “third” path is preferable for Russia. However, a third way, which is spoken by many media, is incomprehensible and unimaginable.

Keywords: e-culture, providentialism, comprehensive Turing test, SCMAI RAS, scientific and organizational problems, information technology of culture.

Alekseev, Andrey – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Philosophy and Methodology of Science, Philosophy Faculty of the Lomonosov Moscow State University.

aa65@list.ru

<http://istina.msu.ru/profile/AlekseevAY/>

Citation: *ALEKSEEV A.Yu.* (2017) “Third Way” to Electronic Culture. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 2, pp. 65–71.

REFERENCES

Alekseev A.Yu. (2014) ‘Electronic Culture in the Context of Post-Nonclassical Methodology’. In: Electronic scientific journal “*Culture: theory and practice*”. 2014. Issue 2. Available at: <http://theoryofculture.ru/issues/29/623> (in Russian).

Alekseev A.Yu., Yankovskaya E.A. (2014) ‘The Directions of Research of Electronic Culture’. In: *Polignosis*. Issue 3-4 (47), pp. 93-106 (in Russian).

E-culture 2003 – From ICT to E-culture. Advisory report on the digitalisation of culture and the implications for cultural policy. Netherlands Council for Culture, 2003. Available at: http://www.cultuur.nl/files/pdf/advies/E-cultuur_engels.pdf

Saveliev A.V. (2015) ‘The past future of domestic technical creativity’. In: *Philosophy of creativity*: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, April 8-9, 2015. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. N.M. Smirnova, A.Yu. Alekseev (eds.). Moscow, Iintell, pp. 373-375 (in Russian).